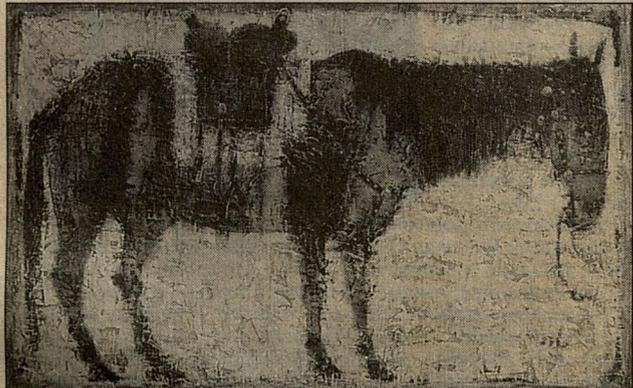

Вера Церетели, для «Новых Известий»

Мифы и реальность Ираклия Сутидзе

Новые Известия - 1999 - 19ек - с. 7

«Лошадь». Любимая натура.

Педагога Академии художеств упорно учили Ираклия Сутидзе графике, а он вдруг стал работать в масле. Но уроки были усвоены так прочно, что живописец навсегда остался графиком. «Всю жизнь делаю офорт в масле», – говорит о себе Ираклий. Хотя заметить это могут только знающие толк в технике живописи. Сутидзе накладывает цвет слоями. Под верхними, живописными, на самом холсте лежат еще три бесцветных слоя. Это дает необычный эффект – ощущение плотности и в то же время прозрачность цвета и его глубину. Тяжелая фактура масла становится воздушно-летучей.

Последствия факультета графики неискоренимы: они явны и в композиции, строгой и точной. Графичность, однако, не мешает обилию деталей, как, например, в «Камелоте» – мифическом городе рыцарей. Кстати, времена рыцарства и эпоха короля Артура – одна из любимых тем художника. «Камелот» варьировался им неоднократно, и на последней выставке мы увидели Белый и Красный Камелот. Подернутый дымкой воображения, город будто плывет в чьем-то сне. Плывут его башни с остроконечными шпилями и знаменами, рыцарская рать, готовая к походу, и кажется, что крепостной ров с водой отгораживает Камелот от реального земного пространства.

Большую часть года художник проводит в далеком селе, в горах. Животные – его страсть. Дикие – в лесу, а собственный строптивый конь – в Тбилиси. Конечно, не в мастерской, а в стойле на ипподроме. Судя по изображению лошадей, это любимая натура художника. И видит он в них не только грацию и красоту, но и душу. В глазах его лошадей такая грусть и мудрое всепонимание, что людям до этого далеко. В изображении животных сквозит ироничное снисхождение к людям.

Обиженный могучий слон с печально-укоризненным взглядом. На лбу – нити драгоценных камней, что, вероятно, указывает на царственное происхождение. Наверное, когда-то давно люди похитили его и увезли в зоопарк, а теперь зеваки и не догадываются, что он царь слонов. Впрочем, каждый волен выдумывать свою историю персонажей Сутидзе.

Охотник по натуре, Ираклий не может понять, как можно убивать животных. Правда, к рыбам это не относится – он заядлый рыбак. Посмотрев на «лица» его рыб крупным планом, становится ясно, как нелегка их жизнь. Рыбы усвоили: чтобы выжить, надо быть хищником, иметь зоркий глаз и острые зубы. Все это с избытком есть на портрете: полуприкрытый сверлящий глаз и внушительный ряд разнокалиберных зубов. Его «Золотая рыбка», больше напоминающая сытого поросенка, тоже не блещет милотливостью и грацией.

«Кентавр». Сказочный персонаж в иконном исполнении.

Мир природы для художника полон прозрачных красок, звуков и видений. Там обитают существа, которых никто и в глаза не видел, разве только поэт и сказочник Важа Пшавела. Например, Кентавр у Сутидзе такой бесхитростный, почти иконный, хоть и с натянутым луком. Или сказочный Дэв и его законная половина, о существовании которой в мифологии никогда не упоминалось. Дэв – вовсе не монстр, это лениво раскинувшаяся добродушная гора, заплывшая жиром, но с играющими глазами и с бугорками совсем не страшных рогов. Он явно отошел от дел и почил на лаврах. Глядя на его не менее дородную половину с невыразимо глупым кокетливым взглядом, понимаешь, что Дэв spolна получил от нее свою долю обожания и восторгов, а теперь не грех и отдохнуть.

В мире, созданном художником, реальность преломлена через легенды и христианскую мифологию – здесь единорог, которого может укротить только Святая дева, соседствует с великолепно выписанной чашей Грааля, а Царица леса в образе женщины с россыпью украшений в восточном стиле служит контрастом «Вождю индейцев».

Художник не признает копирования природы, и любую имитацию он считает плагиатом. Для него главное не воспроизведение природы, а создание образа. Причем максимально простыми средствами, как в иконописи. Он отказывается от пространственности в изображении – у него лишь гладкий монохромный фон, чаще всего светлый золотистый, и графически четкий контур фигур.

В картинах Сутидзе нет светотени, и это концептуально. Его формула проста: как зло – недостаток добра, так тень – недостаток света. И он дает максимум света, для тени места нет. Если появляется черный цвет, то только как противовес белому. На противопоставлении черно-белого появилась полосатая «Зебра», так же выросло «Черное дерево» на светлом фоне базилики.